

ИСТИННО НАРОДНАЯ

СЛОВО О ВЕРЕ МАРЕЦКОЙ

ИЗВЕСТИЯ
Г. МОСКВА

30 ИЮНЬ 1976

В ПЬЕСЕ-ИНСЦЕНИРОВКЕ по роману Н. Вирты «Дали неоглядные» Марецкая играла роль секретаря райкома Ракитиной. И полюбила эта Ракитина председателя колхоза, человека честного, чистого, нетерпимого, принципиального, но попавшего в беду: ему грозит позорное изгнание из колхоза. По первичному тексту пьесы — Ракитина в этих обстоятельствах безмолствовала, самоустранилась. Вера Петровна возмутилась: «Этого не может быть — если Ракитина его любит, его знает, в нем до конца уверена, то обязана его защищать!» И Вера Петровна потребовала от автора, верней, в сущности, сама сочинила сцену, где приходит Ракитина к секретарю обкома за помощью. Ну а тот говорит, что не пристало-де ей, члену партии, в таких обстоятельствах... и т. д. и т. п. И тут Марецкая—Ракитина взрывается — вот именно потому, что я знаю его, что верю в него, — я и обязана вмешаться.

Чувствую, и я обязан говорить сегодня о народной артистке СССР Вере Петровне Марецкой, не боясь упреков в личных пристрастиях.

А знаю я Веру Петровну в течение всей жизни в театре, с тех дней, когда еще нескладная и озорная хохотунья пришла на экзамен в Вахтанговскую школу и вызвала недоумение своим каким-то неистовым чтением стихов Верхарна и «Песни о Соколе» Горького. Тогда она вошла в театр, который возник сначала как школа, потом как студия, наконец как театр, и до сего дня актриса остается сердцем, душой этого театра. Строила его, боролась за него, отстаивала в трудные минуты, «ложилась на рельсы» в часы, казалось бы, неминуемых катастроф, не давала в обиду тех, кому верила, как тигрица защищала их — самоотверженно, бесстрашно и бескомпромиссно.

Талант жизненный и театральный, в сущности, разъять нельзя. Но их единство не всегда бывает целостностью: в Вере Петровне, так я чувствую, они совпали, и невозможно мне отделить ее каждодневную от нее на сцене, потому что дар артистический так объемлен и многогранен, что в каждой роли она, становясь новой, подчас неожиданно неузнаваемой, все же остается собой — индивидуально своеобразной.

Биография объясняет ее острейшее чувство современности и органичную связь с землей, с народом — и в этом смысле она близкая, душевная, так понятна каждому, так народна в самом глубоком смысле этого понятия. И будто излучает душа ее ласкающее тепло и мягкий свет. А подчас вспыхивает в ней обжигающий, бескомпромиссный гневный протест, если видит она зоркими глазами или слышит слухом чутким, нетерпимым к фальши что-либо дурное, которое, увы, еще встречается и в жизни, и в работе.

В эти минуты ее непосредственность, открытость, доброта сменяются замкнутым неприятным, упрямым и непрощающим гневом. Такой она бывает редко. Но те, кто знает ее по фильмам, вспомнят партизанку из фильма «Она защищает Родину» — куда девалось ее природное добродушие в дни гнева народного, в дни священной ненависти к врагу! Она не знает крайностей, самоограничений, вольна и смела всегда и везде.

Вот такова. Марецкая — противоречивая и единая, простая и сложная, очень русская женщина в этих контрастах своих — то озорная, то восхищающая, то потрясающая до слез, обаятельная, самобытная. Это последнее слово особенно точно к ней применимо.

Вот почему, что бы ни играла Марецкая, — даже когда это злая, едкая сатира или острая комедия, — сквозит ее человеческая сущность в каждой роли, ею сыгранной. Сущность эта — доброта, доброжелательность, открытость, увлеченность... Увлеченность жизнью, ролью, автором, партнерами, режиссерским замыслом, впечатлением, которое она хотела бы оставить в памяти зрительской, увлеченность миром человеческим, ее окружающим.

Она чувствует театр с поражающей чуткостью, театр во всех его свойствах, и, оставаясь высоким мастером, способна быть предельно непосредственным, непредвзятым зрителем.

Так бывает — это и объяснимо и даже закономерно, — что подчас великолепное, но чужое творчество не трогает, не интересует. У Веры Петровны совсем обратное: сосредоточенно и самозабвенно отдается она восприятию прекрасного, строго относится к собственному тру-

ду и не завидует чужому успеху мелким актерским честолюбием. Но с искренним, неподдельным увлечением разбирается в том, что же так ее восхищало, чтоб извлечь для себя уроки, потому что учится и работает над собой она неутомимо, каждодневно, ежечасно.

Так случилось, что состояние здоровья на долгие дни отторгнуло ее от театра, лишило возможности жить с товарищами (впрочем, сейчас она снова с нами) общими интересами театра. По многу раз записывается на пленку, перечитывая, переосмысливая стихи полюбившихся ей поэтов. На днях она сказала мне, что для нее «день без поэзии — это потерянное время».

Да, она живет поэзией — находила себя в других: чужие, вернее, близкие ей стихи делает своими — совсем до конца своими. И отдается этому магическому творческому процессу с самозабвенной щедростью! Воздух поэзии становится для нее тем воздухом, без которого ей жизнь не в жизнь. Не оскудевает ее воля к жизни творческой, и с годами обретает проникновенную чистоту, прозрачность и слышится эта ее воля как призыв к прекрасному и обращен этот ее призыв ко всем тем, кто не предвзято, а с доверчивой пристальностью прислушивается к ее мягкому, умному голосу, к ее русской интонации, девической взволнованности, которой одарила ее на всю жизнь могучая природа.

Сколько еще хотелось бы сказать мне о ней, о нашей «Ве Пе», как зовем мы ее в театре! Обращаюсь я к тем, кто встретится с ней так или иначе: взгляните и вслушайтесь в эту удивительную, истинно народную артистку Советского Союза.

Перечислить, напомнить все ею сыгранное — в театре и в кино — невозможно, да надо ли сегодня? Потому что говорим мы не о ролях ее, а о ней — прекрасном художнике, чья душевная неутомимость входит в жизнь нашего театра, вызывая взволнованные чувства благодарности.

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, Герой Социалистического Труда.